

УДК 821.161.1

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-1-38-48

РУССКИЙ САТИРИЧЕСКИЙ АФОРИЗМ 1905–1907-х гг.: ПОЭТИКА И ТИПОЛОГИЯ

Д. Д. Николаев

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, Москва

Введение. Комический афоризм рассматривается обычно в рамках пародийных форм, хотя его жанровый потенциал намного шире. Комический афоризм как жанровая форма относится к числу сверхмалых жанров, получающих в России широкое распространение в сатирико-юмористических журналах и играющих особую важную роль в периоды массового интереса к изданиям такого типа. *Целью* настоящей работы является определение места и функций афоризма в русской сатире 1905–1907 гг., выявление художественных особенностей и типологических видовых характеристик афоризмов в данный период, что позволяет сделать общие теоретические и историко-литературные заключения, касающиеся комического афоризма как жанровой формы. *Материалы и методы.* Методика исследования базируется на фронтальном исследовании доступного корпуса источников – сатирико-юмористических изданий 1905–1907 гг. В работе анализируется комический афоризм как самостоятельная жанровая форма, т. е. высказывание с соответствующей авторской жанровой интенцией. Историко-типологический и историко-функциональный подходы позволяют выявить роль контекста в поэтике сатирического афоризма, а структурный анализ – основные модели построения афоризма и подборки афоризмов. *Результаты и обсуждение.* Комический афоризм встроен в систему комических жанров как функционально, так и концептуально. Выраженное в форме афоризма мнение диктуется как авторитетное и рациональное. Афоризм позволяет добиться максимально высокого уровня обобщения, сатирической типизации минимальными средствами за счет самой жанровой формы и ее конвенционального восприятия. Контекст играет важнейшую роль: авторская интенция требует соответствующей читательской рецепции. В большинстве случаев жанровая форма афоризмов в журналах 1905–1907 гг. была зафиксирована, т. е. жанровая установка выражалась в данном автором или редакцией жанровом определении, которое задавало соответствующее читательское восприятие. Еще одной формой фиксации является декларированная связь с соответствующей литературной традицией (К. Прутков). При этом на первый план выходит не пародийность афоризмов, как у Пруткова, а сатирический пафос. Тематика сатирических афоризмов очень широка – они затрагивают различные сферы государственного и общественного устройства, касаются конкретных лиц и ситуаций, имевших большой резонанс. Объектом сатирического изображения может становиться субъект высказывания. Чаще всего такой комический афоризм оформляется как прямая речь. *Заключение.* В 1905–1907 гг. особое значение приобретает сатирический афоризм. Его широкое распространение определяется как формальной структурой сатирических еженедельников, широко использовавших сверхмалые жанры, так и жанровыми возможностями сатирического обличения, обретающего в афористической форме яркий, резкий и универсальный характер. Содержание высказывания сочетает обличительный пафос, комическую интенцию, высокую степень обобщения и связанную с ней аксиоматическую категоричность. Саморазоблачающие высказывания вкладываются в уста реальных общественных и государственных деятелей, становящихся мишенью сатиры.

Ключевые слова: афоризм, сатира, сарказм, сатирические журналы, Первая русская революция, комическое, Козьма Прутков, П. Потемкин.

Введение

Афоризм в литературоведческой традиции определяется как «обобщенная законченная мысль, выраженная в лаконичной, отточенной форме» [1, с. 366], «обобщенная, глубокая мысль определенного автора, выраженная в лаконичной, отточенной форме, отличающаяся выразительностью и явной неожиданностью суждения» [2, с. 23]. Суммируя «отечественные дефиниции афористического жанра», О. Н. Кулишкина выделяет в качестве особенностей формально-смысловой структуры афористического текста «самостоятельность, краткость, сжатость, художественную пуантированность высказывания, формулирующего глубокую либо оригинальную мысль» [3, с. 3].

Афоризмы – как отечественные, так и зарубежные – привлекают внимание многих исследований: в

2009 г. отмечалось, что уже «созданы предпосылки для формирования специального раздела филологических исследований, который мог бы называться «афоризмоведением», «афорологией» (Aphorismusforschung)» [4, с. 63]. Изучается и комический афоризм, который, однако, при этом рассматривается в рамках изучения афоризма как пародийная форма, связанная с «саморазоблачением текста», превращающая канон «мудрых мыслей» в канон «мыслей смехотворных», что отражено и в предлагаемой терминологии. О. Н. Кулишкина в своих работах употребляет именно определение «смехотворный афоризм», избегая понятия «комический» [5, с. 5]. Л. А. Нефедова использует при переводе немецкого названия «Das Wörterbuch der Lebenskunst» [6] формулировку «Словарь шуточных афоризмов» [7, с. 133].

Между тем жанровый потенциал комического афоризма выходит далеко за рамки пародирования или «искусства жить», если воспользоваться прямым переводом названия словаря Яноша [6]. В комическом афоризме реализуются жанровые возможности, основанные на сочетании двух существенных характеристик обычного афоризма, не выделяемых сейчас, как правило, в его определениях, – связанной со становлением жанра афоризма формальной фрагментарности и содержательной установки на универсальность. «Жанровый» комический эффект возникает за счет столкновения фрагментарности и универсальности. Это может быть как пародийное осмеяние претензии фрагментарности на универсальность, так и неожиданное остроумное выявление универсальности фрагментарного.

Комический афоризм получает в России широкое распространение в сатирико-юмористических журналах и соответствующих разделах других периодических изданий с середины XIX в. А поскольку для русской комической литературы характерна журналоцентричность [8, с. 16], можно утверждать, что комический афоризм и в целом занимает одно из центральных мест в ряду сверхмалых комических жанров. Наиболее интенсивно этот жанр развивается в те периоды, когда сатирико-юмористические издания привлекают внимание максимально широкой аудитории, в частности в 1905–1907 гг. Связанное с объявлением свободы печати бурное развитие сатирической журналистики в эпоху Первой русской революции, появление массы новых сатирических изданий резко меняют роль комического в русском литературном процессе [9–13].

Материал и методы

В ходе исследования был проанализирован основной корпус русских сатирико-юмористических журналов 1905–1907 гг. – более 200 изданий, включая все наиболее известные журналы, начавшие выходить в этот период («Адская Почта», «Жупел», «Зарницы», «Знамя», «Зритель» «Леший», «Пулемет», «Секира», «Серый Волк», «Сигнал», «Маски» и т. д.), а также еженедельники-долгожители («Будильник», «Осколки», «Развлечение», «Шут», «Стрекоза»). Проведенный анализ позволил определить место и функции сатирического афоризма в русской литературе этого периода, а также выявить художественные особенности жанровой формы и типологические видовые характеристики афоризмов.

Результаты исследования и обсуждение

Афоризм относится к сверхмалым прозаическим жанрам, так называемым «мелочам», наряду

с анекдотами, мини-диалогами, комическими объяснениями, комическими загадками, комическими телеграммами и т. д. В сатирико-юмористических еженедельниках 1905–1907-х гг. эти жанры играли особо важную роль, поскольку сам тип большинства изданий не позволял ориентироваться на такие жанровые формы, как рассказ, очерк, фельетон. Исключение представляют издания с давней историей («Будильник», «Шут» и т. д.), а также несколько журналов, которые строили долгосрочную стратегию развития (в первую очередь это «Зритель» и «Серый Волк») и, соответственно, имели ряд постоянных сотрудников и «редакционный портфель», могли планировать содержание номеров. Остальные же, недолговечные в массе своей издания, создатели которых преследовали как идеологические, так и коммерческие цели, были изначально рассчитаны на сиюминутный успех. Номера их заполнялись преимущественно рисунками и карикатурами, стихотворными произведениями малых жанров и всевозможными «мелочами», поскольку готовились, что называется, «с листа» и должны были оперативно реагировать на злобу дня, чтобы привлечь максимальное количество читателей-покупателей.

Произведения сверхмалых жанров, с одной стороны, позволяли моментально отзываться на происходящее, поскольку они быстро создавались, а с другой – легко заполнять свободное пространство (и, наоборот, под них при необходимости было просто найти место даже в готовом номере). Кроме того, сверхмалые жанры, как правило, легче воспринимаются массовым читателем. Комический афоризм при этом встроен в систему комических жанров не только функционально, но и концептуально. Выраженное в форме афоризма мнение не просто претендует на универсальность: оно диктуется как авторитетное и как рациональное. Афоризм позволяет добиться максимально высокого уровня обобщения, сатирической типизации минимальными средствами – за счет самой жанровой формы и ее конвенционального восприятия.

Изучение периодических изданий, которые являлись главной формой бытования литературной сатиры в 1905–1907-х гг., показало, что афоризм является одним из ведущих жанров в сатирической литературе данного периода. Между тем Л. А. Спиридонова (Евстигнеева) в своем исследовании «Русская сатирическая литература начала XX века» в главе о русской сатире эпохи Первой русской революции афоризмов не касается, хотя и приводит целый ряд примеров использования сверхмалых жанров: сатирического объявления, сатирической загадки, сатирической задачки [14]. Автор современной работы об эволюции комического афоризма в русской периодике XX века не

выделяет эпоху 1905–1907-х гг., а заодно и проявляет непонимание специфики сатиры и юмора [15]. М. А. Галепя, рассматривая фельетоны и афоризмы на страницах газеты «Донские областные ведомости» в период деятельности II Государственной Думы России, отмечает, что названные «Афоризмами» публикации «никак нельзя отнести к афоризмам, потому что в них нет ни лаконичности, ни парадоксального сопоставления слов» [16, с. 55].

В данной работе анализируется комический афоризм как самостоятельная жанровая форма, т. е. высказывание, задуманное и специально написанное как комический афоризм, с соответствующей авторской жанровой интенцией. Комические афоризмы сохраняют все черты обычного, не-комического афоризма, но меняется конвенциональная система, в которой они задействованы. Ее определяющей чертой становится комический модус самого высказывания или контекста или того и другого вместе. Авторская интенция требует соответствующей читательской рецепции. Такие афоризмы либо печатаются в специализированных сатирико-юмористических изданиях (в соответствующих разделах других изданий), либо имеют иное конвенциональное указание на комический характер. Д. П. Николаев в книге «Смех – оружие сатиры» указывает: «То или иное отрицательное явление порой можно разоблачить, осмеять одной фразой. Сатирики не стесняются публиковать специально подобранные подборки подобных находок („Отрывки из ненаписанного“ Э. Кроткого, „Непричесанные мысли“ польского сатирика Станислава Ежи Леца и др.). Наиболее удачные из таких находок становятся сатирическими афоризмами, начинают самостоятельную жизнь» [17, с. 193].

Отметим, что наряду с этим существуют цитатные афоризмы, т. е. отдельные вынутые из контекста высказывания из произведений более крупных форм – рассказов, повестей, комедий и т. д. (см., например, недавнюю работу Г. А. Шестопаловой об афоризмах в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина [18]). В журналах эпохи Первой русской революции, в частности в первых номерах «Зрителя», печатались и такие «Афоризмы и отрывки», извлеченные из произведений Горького, Андреева, Чирикова, Найденова и др. писателей, правда, преимущественно некомического характера.

Список журналов, в которых печатались комические афоризмы, выглядит очень внушительно: «Бомбы», «Будильник», «Букет», «Булат», «Водоворот», «Забияка», «Залп», «Зарницы», «Знамя», «Зритель», «К Свету», «Коса», «Красный Смех», «Леший», «Маски», «Момент», «Нагаечка», «Отбой», «Паяц», «Перец», «Пули», «Свободный смех», «Секира», «Скорпион», «Спрут», «Стрелы», «Штык» и т. д.

В большинстве случаев жанровая форма афоризмов в этих изданиях была зафиксирована, т. е. жанровая установка выражалась в данном автором или редакцией в названии или подзаголовке жанровом определении, которое задавало соответствующее читательское восприятие. Высказывания публиковались в сатирико-юмористических журналах под названиями «Изречение» (Зритель. 1905. № 8. С. 6), «Изречения великих мужей нашего времени» (Бомбы. 1905. № 1. С. 6), «Афоризмы Дамиана Розгина» (Стрелы. 1905. № 3. С. 9; № 4. С. 9), «Немножко философии» (Секира. 1905. № 1. С. 8), «Изречения» (Пули. 1905. № 2. С. 5), «Мысли и мыслишки» (Нагаечка. 1905. № 1 С. 7; № 2. С. 5), «Изречения великих умов» (Спрут. 1906. № 3. С. 7), «Афоризмы кузькиной матери» (Спрут. 1906. № 9. С. 6), «Изречения великих мыслителей» (Леший. 1906. № 1. С. 9), «Изречения великих людей» (Забияка. 1906. № 2. С. 5), «Мысли и афоризмы. (По К. Пруткову)» (Забияка. 1906. № 2. С. 5), «Афоризмы доморощенного философа» (Отбой. 1906. № 3. С. 6), «Афоризмы» (Букет. 1906. № 2. С. 11), «Хорошие мысли» (Вампир. 1906. № 1. С. 4), «Звериные афоризмы» (Вампир. 1906. № 5. С. 3), «Мысли и афоризмы Фомы Пруткова» (Сигналы. 1906. Вып. 1. С. 4; Вып. 2. С. 5; Вып. 3. С. 4; Зарницы. 1906. № 6. С. 2), «Афоризмы вечерние» (Зарницы. 1906. № 8. С. 4), «Изречения Нео-Пруткова» (Зарницы. 1906. № 9. С. 3), «Афоризмы сатрапа» (Красный Смех. 1906. № 4. С. 3), «Из министерских афоризмов» (Момент. 1907. № 1. С. 3) и т. д.

Образные названия, связывающие высказывания с определенным историческим контекстом, иногда объединяют произведения различных сверхмалых жанров, а иногда только афоризмы – «Искры» (Булат. 1906. № 1. С. 7), «Зарницы» (Еж. 1907. № 5. С. 14), «Осколки» (Водоворот. 1906. № 1. С. 10) и т. п. В журнале «Зритель» в 1905 г. регулярно появляется рубрика «Зарницы», которую пишет Н. И. Фалеев под псевдонимом «Мстислав» (иногда с подзаголовками: «Из книги безумия», «Из книги безумия сына Сиромасова»). Встречаются, разумеется, и афоризмы, опубликованные без указаний на жанровую форму, равно как и отдельные высказывания, которые не являются афоризмами.

Кроме того, следует выделить отдельно авторские «пословицы и поговорки», часто встречающиеся в сатирических журналах эпохи Первой русской революции. Эта форма афористического высказывания станет предметом исследования в специальной статье, а потому в дальнейшем мы ее касаться не будем.

Необходимо отметить, что далеко не все афоризмы, публиковавшиеся в 1905–1907-х гг. на страницах сатирико-юмористических журналов, явля-

лись комическими. Как уже подчеркивалось ранее, само определение «сатирический», даже если оно выносилось изданием на обложку или указывалось в рекламных объявлениях, часто не в полной мере соответствовало содержанию [19, с. 12–13; 20, с. 251–254]. Многие издания, которые заявляли себя как сатирические, таковыми по сути либо вообще не являлись либо сочетали на своих страницах комическое с патетикой, гражданским пафосом, мортальными и макабрическими мотивами. Другие журналы и формально задавали более широкий диапазон, определяя себя как сатирические и литературно-художественные (общественно-политические и пр.).

В этой ситуации самого факта публикации в определенном журнале могло быть недостаточно для восприятия афоризмов как комических. Одной из характерных особенностей бытования жанра в 1905–1907-х гг. является часто встречающаяся неопределенность установки и, соответственно, восприятия. В соответствии с этим все афоризмы можно разделить на три группы.

Первая – это афоризмы, которые не могут быть восприняты как комические: «Безумцами звали тех, кто шел впереди человечества»; «О безумии стану я говорить, – ибо вы стали чересчур благодарны»; «Безумие – зарница далекой грозы и хохот приближающейся бури» и др. (Мстислав [Н. И. Фалеев]¹. Зарницы (Из книги безумия) // Зритель. 1905. № 16. С. 14); «Легко убить живого, но убитого уже не оживишь» (Арабески // Коса. 1906. № 2. С. 3); «Если бы человек при помощи мысли мог ранить, убивать, насиловать, – то 100 % людей стоили бы каторги» (А. Куприн. Афоризмы вечерние // Зарницы. 1906. № 8. С. 4).

Вторая группа – явно комические афоризмы. Это, в частности, афоризмы, построенные на игре слов, на каламбурах: «Что нам праведники, когда есть угодники» (Мстислав [Н. И. Фалеев]. Зарницы (Из книги безумия сына Сиромахова) // Зритель. 1905. № 22. С. 6); «Составляя программу литературного вечера, избегай *третьего отделения*» (Булат. 1906. № 1. С. 7); «Если кадету почти невозможно сделаться министром, то ничего нет легче министру, выйдя в отставку, сделаться кадетом»; «Если пресса переживает репрессии, то всякая печатня очень свободно может оказаться запечатанной»; «Сколько ни думай, а лучше думы ничего не выдумаешь»; «Не всякая комната называется кабинетом и не всякая компания – советом» (Афоризмы доморощенного философа // Отбой. 1906. № 3. С. 6).

И наконец, есть афоризмы, которые могут быть восприняты и как комические, и как некомические. К этой группе относится ряд сатирических или па-

родийных афоризмов, которые вне контекста сатирического журнала или вне контекста конкретной подборки могут восприниматься как просто патетические обличительные высказывания, философские сентенции или циничные заявления. Примером может служить подборка афоризмов И. Я. Гуревича, опубликованная в 1906 г. в журнале «Зарницы» под общим названием «Изречения Нео-Пруткова»:

- «1) Блажен, кто вовремя уходит;
- 2) И еще раз говорю: блажен, кто вовремя уходит;
- 3) Плюнь тому в глаза, кто укажет тебе день амнистии;
- 4) Будет тот губернатором, кому кончину мученическую приять суждено;
- 5) Если ты голоден – умри;
- 6) Сажай и властвуй» (№ 9. С. 3. Подпись: И. Г–ч).

Каждый из этих афоризмов по отдельности не несет в себе комической интенции, но в совокупности и в сочетании с названием и контекстом они воспринимаются как сатирическое произведение.

Для восприятия комического высказывания контекст имеет важнейшее значение. В юмористических и пародийных афоризмах он помогает читателю правильно воспринять заложенную в высказывании комическую интенцию, не рассматривать высказывание «всерьез». В сатирических афоризмах контекст играет несколько иную роль, подчеркивая сатирический характер обличительного пафоса, эстетическую, художественную составляющую публицистической или идеологической декларации, которая в противном случае могла бы рассматриваться как призыв, лозунг или даже ругательство. Контекст также позволяет понять саморазоблачительную суть высказывания в том случае, если объектом сатирического изображения является говорящий.

В «Изречениях Нео-Пруткова» И. Гуревич и редакция «Зарниц» добиваются адекватного читательского восприятия сатирических афоризмов за счет включения их в общелитературный контекст, подчеркивая связь с традицией комического афоризма. В заглавие выносятся указание на Козьму Пруткова, ряд высказываний строится по прутковской модели, применяется прутковский принцип повтора афоризма.

Демонстративная связь с Козьмой Прутковым не раз используется и другими авторами. В 1905–1907 гг. появляется целый ряд «родственников» Пруткова. Так, в «Сигналах» и тех же «Зарницах» П. П. Потемкин печатает «Мысли и афоризмы Фомы Пруткова» (1906. № 6. С. 2). В журнале «За-

¹ Здесь и далее использованный псевдоним и настоящая фамилия автора (если она установлена) приводятся в случаях, когда публикации были подписаны.

бияка» публикуются «Мысли и афоризмы (По К. Пруткову)», подписанные «Не-Прутков» (1906. № 2. С. 5). «Мой пулемет» помещает цикл «На мотивы Козьмы Пруткова», в который, наряду с стихотворными произведениями, входят обработки его афоризмов:

«П. В альбом Гурьеву, Кольшке и прочим рептилиям “Русского Государства”».

...Перо, пишущее для денег из секретных фондов, смело уподоблю шарманке в руках бессовестного цыгана... <...>

IV. Совету министров

Бди! Никто не обнимет необъятного» (1906. № 1. С. 4).

Связь с соответствующей литературной традицией может подчеркиваться и формальной структурой одного или нескольких афоризмов, ориентированных на наиболее известные «плоды раздумья» Козьмы Пруткова – например, на схему «что чему подобно» (которую часто использовали и другие авторы комических афоризмов, в частности Н. С. Курочкин) или конкретные афоризмы («Бди!» и пр.), без указания на автора:

«Наставления старика Полония мечтателю Гамлету – подобны советам партии правового порядка русскому освободительному движению» (Паяц. 1905. № 1. С. 4. Подпись: Скептик);

«Российские администраторы подобны Фениксу, возрождающемуся из пепла: сгорев в Одессе, они восстают в Нижнем» (Скорпион [О. И. Перельман (Дымов)?]). Афоризмы Дамиана Розгина // 1905. № 4. С. 9);

«Реакция отрыжке подобна» (Черный Саша [А. М. Гликберг]. Деликатные мысли // Маски. 1906. № 5. С. 4);

«Иной министр подобен колбасе: чем его начинят, то он в себе и носит» (Секира. 1906. № 7. С. 6).

На прямом или частичном (например, стилистическом) парафразе «Плодов раздумий» Козьмы Пруткова могут быть построены целые подборки афоризмов, но при этом высказывания приобретают обличительный характер, привязываются к конкретной политической ситуации. Таковы опубликованные в 1905 г. в третьем номере журнала «Стрелы» «Афоризмы Дамиана Розгина»:

«Лучше маленькая свобода, чем большой пулемет.

Ежели у тебя есть генеральские брюки – вздены они на палку и жди, чтобы прохожие кланялись им. Не будут кланяться – плюнь.

Бастуй с толком, ибо неожиданно можешь оказаться забастовавшим забастовщиком.

Люби старшего дворника.

Составляя партию в винт, остерегайся собирать членов враждебных партий.

Не надлежит сморкаться на улице в красный платок, ибо сего пугаются городовые.

Древний философ сказал: „Торопись медленно“. А я скажу: „Жди, но побыстрее“.

Превосходство превосходительных – сомнительно.

Иные особы третьего класса в благоразумии уступают гимназистам того же класса.

Иные номера газет столь любимы полицейскими чинами, что вырываются у публики из рук» (С. 9. Подпись: Списал Скорпион [О. И. Перельман (Дымов)?]).

А в публикации «Мысли и афоризмы Фомы Пруткова» в первом выпуске журнала «Сигналы» (который пришел на смену журналу «Сигнал» в январе 1906 г.) Петр Потемкин использует и фамилию Прутков, и конструкции известных его афоризмов:

«1. Закуривая рентой сигару, не мни себя мотом.

2. Единожды быв премьером, кто тебе поверит?

3. Не всякий человек даже сенаторского мундира достоин!

4. Кто мешает тебе выдумать министра невзрачного?

5. Эсэртвуй?

6. Где начало того конца, которым окончилось „Начало“.

7. Прежде чем познакомиться с человеком, узнай: не был ли он министром» (С. 4. Подпись: Андрей Леонидов).

При этом на первый план выходит не пародийность афоризмов, как у Пруткова, а сатирический пафос. Выбранная же форма привносит в обличение комическое начало.

«Афоризмы кузькиной матери», опубликованные в девятом номере журнала «Спрут» за 1906 г., также и названием, и стилистикой отсылают к Козьме Пруткову:

«Будучи спрошен, кто лучше: Плеве или Дурново, – плюнь в глаза вопрошающему»;

«Имея глупость купить правительственное сообщение, оное сохрани, ибо всякая бумага годится для некоторого употребления» (с. 6).

Помещение одного или нескольких подобных маркированных афоризмов в подборку заставляет читателя и прочие мысли воспринимать в жанровом контексте прутковских высказываний. К примеру, в той же подборке изречений:

«Не думай по наивности, что на казачий сажают буйанов казаков»;

«Колода карт и солдатские щи – одно и то же: в обоих имеются черви».

Изредка в журналах Первой русской революции публиковались и одиночные афоризмы («Рот дан для того, чтобы его затыкать» (Мстислав [Н. И. Фалеев]. Изречение // Зритель. 1905. № 8. С. 6)), но в целом для афоризмов этого, как, впрочем, и других периодов, характерна циклизация или – точнее –

публикация «подборками». В одних случаях авторы и редакторы стремились подчеркнуть комический характер афоризмов, в других – смешивали в рамках одной подборки комическое и некомическое, исходя из того, что любое восприятие соответствует установкам потенциальных читателей, ищущих в журнале прежде всего обличения существующего строя.

Чаще всего встречаются просто жанровые подборки «мыслей и афоризмов» разного рода, но наряду с ними есть и другие принципы циклизации. Подборка афоризмов Д. И. Гликмана, которая опубликована в журнале «Вампир» в 1906 г. под псевдонимом «Парламентер», носит тематический характер и озаглавлена соответствующим образом – «Луна и Конституция»:

«Луну делают в Гамбурге по особому заказу и с монополией. Конституцию делают в Петербурге тоже по особому заказу и тоже с монополией.

И луна, и конституция бывают в начале месяца бледными, а к концу красными.

И луна, и конституция покрывают себя заревом.

И луны, и конституции голой рукой не возьмешь.

И на луну, и на конституцию лает собака.

И луны, и конституции боятся хищники.

И луне гамбургской, и конституции петербургской нельзя доверять» (№ 2. С. 4).

А в подборке, опубликованной в журнале «К Свету», определяющей является конструкция высказывания, что также отражено в названии «Обратные теоремы»:

«Если человек, одев соответствующую форму, становится полицейским, то полицейский, облачившись в статское платье, не делается человеком.

Если, спасая родину, пренебрегают страданиями отдельных лиц, то страданиями отдельных лиц не спасают родины!» и т. д. (1906. № 2. С. 3)

В подавляющем большинстве случаев афоризмы в сатирических журналах 1905–1907-х гг. публиковались либо вообще без подписи, либо под псевдонимами. Для эпохи Первой русской революции это естественная практика: значительная часть материалов печаталась под псевдонимами как по цензурным соображениям, так и из-за особенностей редакционной работы тех лет. Свой устойчивый круг сотрудников у новых сатирических журналов просто не успевал сформироваться. Иногда почти весь номер заполняли два-три человека, публикуясь под разными псевдонимами. В редакциях использовали и общий псевдоним, чтобы подписывать публикации, созданные коллективно. Среди произведений сверхмалых жанров были тексты, присланные в редакцию сторонними сочинителями, услышанные «на улице» или даже просто заимствованные из других изданий. Подписи под

ними, как правило, ставили произвольно – и такие псевдонимы практически невозможно раскрыть. В то же время среди авторов афоризмов немало писателей известных, правда, преимущественно по работе в других жанровых формах – Я. А. Гибынский, А. М. Гликберг (Саша Черный), Д. И. Гликман, И. Я. Гуревич, Б. А. Катловкер, А. С. Лазарев-Грузинский, Н. А. Лохвицкая (Тэффи), П. П. Потемкин, Е. Э. Сно, Н. И. Фалеев и др.

Некоторые из псевдонимов, появившихся в 1905–1907 гг., потом, что называется, «срослись» с автором, как в случае с Сашей Черным (А. М. Гликбергом). А вот другой знаменитый поэт-сатириконец – П. П. Потемкин, напротив, отказался затем от псевдонимов, которые активно использовал в журналах 1905–1906 гг.

Авторская анонимность или псевдонимность характерна для комического афоризма в целом и является одним из жанровых парадоксов. Обычный афоризм, как правило, связан с именем конкретного и значительного с точки зрения аудитории человека – писателя, философа, общественного деятеля и т. д. Репутация высказывающегося играет весьма значительную роль: она придает ценность мысли, которая в устах иного, никому не известного человека могла бы часто показаться банальностью или даже глупостью. Комический афоризм (если речь идет не о цитатном афоризме, а о специально написанном тексте), напротив, обычно подчеркнуто дистанцирован от реального автора.

При публикации подборок, а тем более циклов комических афоризмов может создаваться авторская маска, которая сама по себе носит комический и даже сатирический характер, как это было в случае с Козьмой Прутковым. Однако в 1905–1907-х гг. устойчивые сатирические маски не формируются – такая задача писателями не ставится, да и недолговечность изданий играет свою роль. В то же время некоторые названия и псевдонимы используются, чтобы подчеркнуть характер высказывающегося. Это прежде всего те публикации, в которых псевдоним строится на связи с именем известного автора афоризмов. Подчеркиваться может как преемственность, так и отрицание. В первом случае речь идет о Козьме Пруткове – и тогда комический характер афоризмов поясняется читателю за счет этого авторства. Примером «отрицания» является псевдоним «Не-Шопенгауэр», которыми подписывались подборки афоризмов под названием «Мысли и мыслишки» в журнале «Нагаечка» (1905. № 1. С. 7; 1905. № 2. С. 5). Отметим, что подборка под тем же названием в четвертом номере журнала (1906. С. 9) печатается без подписи. Сборники афоризмов Шопенгауэра «Афоризмы и максимумы» не раз переиздавались в России в конце XIX – начале XX в., и комическое соотношение с

ними задавалось не только подписью, но и названием: на смену «максимам» приходит уменьшительный суффикс в «мыслишках».

Указание на авторскую маску в названии также помогает задавать необходимое восприятие самих высказываний. Сатирический характер этой маски может определяться фамилией (Афоризмы Дамиана Розгина // Стрелы. 1905. № 3. С. 9. Подпись: Списал Скорпион; № 4. С. 9. Подпись: Скорпион [О. И. Перельман (Дымов)?] или характеристикой (Жак [Я. А. Гибянский]. Афоризмы сатрапа // Красный Смех. 1906. № 4. С. 3).

Фиксированная комическая маска, наподобие Козьмы Пруtkова, не создается даже в случае, когда один и тот же автор печатает сатирические афоризмы под одним и тем же псевдонимом в разных журналах на протяжении нескольких лет (например, Н. И. Фалеев под псевдонимом «Мстислав»). В тех случаях, когда предполагается, что высказывающийся и автор не совпадают, это стремятся акцентировать, давая отдельно авторскую подпись, хотя она также является псевдонимом. Так, Петр Потемкин, печатая несколько подборок под названием «Мысли и афоризмы Фомы Пруtkова», подписывает их еще и псевдонимом «Андрей Леонидов», и лишь в «Зарницах» использует уклончивую формулу «Сообщил Андрей Леонидов» (1906. № 6. С. 2).

Наряду с комической маской существует еще один тип «промежуточного» автора высказывания, который, напротив, широко используется в 1905–1907-х гг. в сатирических целях. Высказывание может вкладываться в уста обличаемого – тот выступает как мнимый автор саморазоблачающего афоризма. Объектом сатирического изображения таким образом становится субъект высказывания. А сатирический эффект достигается за счет сочетания высказывания с определенным высказывающимся, указанием на говорящего или на говорящего и ситуацию, в которой звучит высказывание. Чаще всего структура такого комического афоризма отличается от привычной формы афоризма тем, что он оформляется как прямая речь.

В роли говорящего при этом может выступать как тип, который обычно определяется через должность или звание (министр, губернатор, генерал и т. д.), так и конкретный, хорошо известный человек, занимающий такую должность, обличая которого, сатирик одновременно через индивидуальное обличает и типическое. Собственно высказывание часто не имеет комической составляющей. В его качестве используются, к примеру, всем известные афоризмы, пословицы или расхожие выражения, помещенные в конкретный саркастический контекст:

«„Победителей не судят“, – сказал Витте на просьбу предать суду губернаторов» («Из мелочей жизни» // Нагаечка. 1905. № 1 С. 7);

«„Нашего полку прибыло“, – воскликнул Гринмут, приветствуя Дубасова» (там же);

«„Не судите, да не судимы будете“, – сказала правительству, предавая суду Московскую судебную палату» (Тэффи [Н. А. Лохвицкая]. Неприятная любезность // Зарницы. 1906. № 1. С. 5);

«„Терпение, терпение, терпение...“ – сказал Куропаткин, доколачивая второй миллиончик» (Гр. Морж // Скорпион. 1906. № 2. С. 7);

«„Какой простор“, – сказал адмирал Дубасов, взирая с колокольни на разрушенную Москву» (там же).

Играя на контрасте, авторы сталкивают содержание высказывания с противоположным поведением высказывающегося:

«„Как приятно умереть за свое отечество!“ – воскликнул Куропаткин, удирая с поля сражения» (Не-Шопенгауэр. Мысли и мыслишки // Нагаечка. 1905. № 2. С. 5).

«„Долг прежде всего!“ – сказал блюстителю порядка, отбирая кошелек с деньгами» (Гр. Морж // Скорпион. 1906. № 2. С. 7)

«„Бедность не порок!“ – сказал министр финансов, играя наверняка на бирже» (там же).

Еще одна модель трансформации высказывания в конкретное сатирическое обличение создается использованием потенциала фразы, уже зафиксированной в читательском сознании как саморазоблачительное, сатирическое высказывание: «„Не должно сметь свое суждение иметь!“ – кричал Севастьянов, разгоняя союз почтово-телеграфных служащих» (Не-Шопенгауэр. Мысли и мыслишки // Нагаечка. 1905. № 2. С. 5).

А в журнале «Знамя» для обличения самодержавия используется многократный повтор в подборке одного и того же афоризма, отсылающего к знаменитому заявлению «Государство – это я!» («L'état c'est moi»), приписываемому Людовику XIV, и последующий саркастический комментарий:

«Изречения великих людей.

Витте. Самодержавие – это я!

Дурново. Самодержавие – это я!

Дубасов. Самодержавие – это я!

(Продолжение предоставляется написать читателю, руководствуясь списком губерний и самодержавствующих там генерал-губернаторов)» (1906. № 1. С. 3).

Сатирический характер хорошо известному высказыванию может придавать и сам контекст сатирического журнала, в который оно переносится. Так, к примеру, делают в журнале «Светает», перепечатывая в подборке афоризмов «Из календаря» слова Императора Александра II «Правда и милость да царствует в судах» (1906. № 1. С. 7).

Само название подборки также может выполнять обличающую функцию, носить саркастиче-

ский характер. Сатирические афоризмы, опубликованные 12 января 1906 г. в журнале «Спрут», Дух Банко [Д. И. Гликман], издевательски называют «Изречения великих умов»:

«„Чем богаты, тем и рады“, – сказал адмирал Дубасов, выпуская в толпу заряды из пулеметов. <...>

„Бедность не порок“, – сказал Куропаткин, подчитывая свои два с лишним миллиона...

„Милые бранятся – только тешутся“, – сказал Дурново, прочитав о себе эпиграмму в сатирическом журнале и сажая его редактора в тюрьму.

„Бог правду видит, да не скоро скажет“, – сказал он же, заключая выгодную сделку со Стаховичем. <...>

„Смелым Бог владеет“, – сказал генерал фон-Поппен, удирая в женском платье из Лифляндии. <...>» (№ 3. С. 7).

Схожее название схожей по типу подборке в журнале «Забияка» дает 21 января 1906 г. Лео [А. С. Лазарев-Грузинский] – «Изречения великих людей»:

«„Б е р е ж е н а г о – Б о г бережет“, – сказал Дубасов, обставляясь пулеметами.

„С х р а б р ы м и – Б о г“, – сказал г.-м. Трофимов, удирая из Новороссийска» (№ 2. С. 5).

Форма афоризма подчеркивает универсальность выраженной оценки и как бы не допускает иного отношения к названному в афоризме государственному или общественному деятелю.

Афоризмы, в которых сатирически изображаются конкретные лица, бывают двух типов. В первом в тексте содержится непосредственное указание на обличаемое лицо с упоминанием фамилии или должности:

«„Себе дороже стоит“, – говорил Дурново, продавая овес» (Не-Шопенгауэр. Мысли и мыслишки // Нагаечка. 1905. № 2. С. 5).

Во втором отсылка к широко известному действию или высказыванию обличаемого не сопровождается его прямым названием, что предполагает знание исторического контекста. Таковы, к примеру, афоризмы, намекающие на тот же известный скандал в связи с Дурново и овсом:

«Повадился конь по овес ходить, оттуда ему и уходить неохота» (Парламентер [Д. И. Гликман]. Хорошие мысли // Вампир. 1906. № 1. С. 4);

«Кто любит овес, тому место в конюшне» (Осколки // Водоворот. 1906. № 1. С. 10);

Есть и афоризмы, построенные на скандальных словах генерал-майора Д. Ф. Трепова «Патронов не жалеть и холостых залпов не давать»:

«Как патронов не жалей, а все же на всех не хватит» (Парламентер [Д. И. Гликман]. Хорошие мысли // Вампир. 1906. № 1. С. 4);

«Не жалеть патронов не означает еще щедрость или признаков доброго сердца» (Мысли и афоризмы // Перец. 1906. № 1. С. 5).

Авторы часто используют афоризмы для обличения тех, чья фамилия позволяет строить высказывание на каламбуре, добываясь за его счет внутреннего комизма, тем более что фамилии многих государственных деятелей эпохи Первой русской революции – Трепов, Дурново, Горемыкин, Шипов, Немешаев и др. – позволяют это сделать:

«Аль дурней не нашли, что дурного прислали?» (Мстислав [Н. И. Фалеев]. Зарницы // Зритель. 1905. № 18. С. 5);

«Дурного зверя пока силой не выгонишь, он все вредить будет» (Осколки // Водоворот. 1906. № 1. С. 10).

Есть и пример «двойного» обыгрывания фамилии в соседних афоризмах, расположенных друг за другом в подборке. Сначала утверждение, касающееся связи поведения с фамилией, носит прямо обличительный характер, а затем иронический:

«Жестоко ошибается тот, кто думает, что фамилия Безобразов произошла от слово безобразие, ибо и при фамилии „Благообразов“ г. Безобразов – безобразничал бы.

Не следует думать, что фамилия вообще имеет связь с действиями владельца ее, ведь этак можно предположить, что и „Дубасов“ произошла от слова дубасить» (Мысли и афоризмы // Перец. 1906. № 1. С. 5).

Как доказывают приведенные выше примеры, тематика сатирических афоризмов очень широка – они затрагивают различные сферы государственного и общественного устройства, касаются и конкретных лиц, и ситуаций, имевших большой резонанс.

Значительная группа сатирических афоризмов связана с цензурными гонениями на периодическую печать в целом и сатирические журналы в частности. В афоризмах декларируется неизбежность заключения или ссылки редактора:

«Никто не должен считать себя счастливым, пока не стал редактировать газету...» (Парламентер [Д. И. Гликман]. Хорошие мысли // Вампир. 1906. № 1. С. 4);

«Жена редактора склонность к одиночеству имеет» (Андрей Леонидов [П. П. Потемкин]. Мысли и афоризмы Фомы Пруткова // Сигналы. 1906. Вып. 2. С. 5);

«Редактор редко наслаждается природой» (Сообщил Андрей Леонидов [П. П. Потемкин]. Мысли и афоризмы Фомы Пруткова // Зарницы. 1906. № 6. С. 2).

«Железное кольцо есть первое звено в цепи редакторской жизни» (Не-Прутков. Мысли и афоризмы (По К. Пруткову) // Забияка. 1906. № 2. С. 5).

Мишенью сатиры становится проправительственная пресса и издания правого лагеря (а те, в свою очередь, обличают радикальные издания):

«Взбесившийся зверь пристреливается, а бешеный человек – получает субсидию на издание полуофициозной газеты» (Тень [Б. А. Катловкер]. Зверинные афоризмы // Вампир. 1906. № 5. С. 3);

«Журналист нововременец маятнику подобен, подобное последнему, он стремится то влево, то вправо» (Веаэн [В. А. Новиков]. Изречения // Пули. 1905. № 2. С. 5);

«Читая газету „Новости“, не думай, что все редакторы периодических изданий лишены здравого смысла и твердой памяти» (Мысли и афоризмы // Перец. 1906. № 1. С. 5).

Заключение

Широкое распространение комического афоризма в 1905–1907 гг. определяется как формальной структурой сатирических еженедельников, широко использовавших сверхмалые жанры, так и жанровыми возможностями сатирического обличения, обретающего в афористической форме яркий, резкий и универсальный характер. Сатирическое столкновение идеала с антиидеалом возникает, в частности, за счет

декларируемой универсальности антиидеального, которая воспринимается как комический парадокс.

При этом, хотя для афоризма принципиально важен обобщающий характер высказывания, сатирические афоризмы имеют и конкретную направленность. Саморазоблачающие высказывания вкладываются в уста реальных общественных и государственных деятелей, становящихся мишенью сатиры.

В сатирических журналах высказывание существует в изначально жестко связанном с ним и текстуально зафиксированном мини-контексте и широком общественно-историческом контексте, который позволяет понять конкретную сатирическую направленность произведения. Общий комизм ситуации может быть понятен и из самого текста, в котором фиксируется противопоставление некоего идеала (сформулированного в высказывании) и противопоставленной ему действительности (связанной с образом и действиями высказывающегося). Содержание высказывания сочетает обличительный пафос, комическую интенцию, высокую степень обобщения и связанную с ней аксиоматическую категоричность.

Список литературы

1. Афоризм // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М.: Советская энциклопедия, 1962. Т. 1. Ст. 366.
2. Федоров А. Афоризм // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. С. 23.
3. Кулишкина О. Н. Русский афоризм XIX – начала XX веков: эволюция и сферы влияния жанра: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 41 с.
4. Ольшанский И. Г., Мельникова О. В. Афористика как объект филологических исследований // Вестник Московского гос. лингвист. ун-та. 2009. Вып. 559. С. 63–80.
5. Кулишкина О. Н. Русский афоризм XIX – начала XX вв.: история жанра (от Пушкина до Розанова). СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т технологии и дизайна, 2009. 223 с.
6. Janosch. Das Wörterbuch der Lebenskunst. München: Goldmann, 2000. 94 s.
7. Нефедова Л. А. Словарь шуточных афоризмов Яноша (к вопросу о лексикографировании афоризмов) // Ярославский пед. вестник. 2005. № 3 (44). С. 133–138.
8. Николаев Д. Д. О единстве русской комической литературы // Комическое в русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 5–19.
9. Боцяновский В., Голлербах Э. Русская сатира первой революции 1905–1906. Л.: ГИЗ, 1925. 221 с.
10. 1905 год в сатире и юморе / сост. С. Дрейден. Л., 1925. 154 с.
11. Нинов А. А. Русская сатирическая поэзия 1905–1907 годов // Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907) / вступ. статья А. А. Нинова; сост., подг. текстов и прим. Н. Б. Банк, Н. Г. Захаренко, Э. М. Шнейдермана. Л.: Советский писатель, 1969. С. 5–76.
12. Революция 1905–1907 годов и литература. М.: Наука. 1978. 272 с.
13. Комическое в русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 504 с.
14. Спиридонова (Евстигнеева) Л. А. Русская сатирическая литература начала XX века. М.: Наука, 1977. 303 с.
15. Меднис М. И. Жанр юмористического афоризма и его эволюция в русской периодике XX века // Мир русского слова. 2013. № 2. С. 53–58.
16. Галепя М. А. Фельетоны и афоризмы на страницах «Донских областных ведомостей» в период деятельности II Государственной Думы России // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 6-3 (11). С. 53–56.
17. Николаев Д. П. Смех – оружие сатиры. М.: Искусство, 1962. С. 193.
18. Шестопалова Г. А. Афоризмы в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 1. С. 31–35.
19. Николаев Д. Д. Творчество Н. А. Тэффи и А. Т. Аверченко: две тенденции развития русской юмористики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 24 с.
20. Николаев Д. Д. М. Е. Салтыков-Щедрин и русские сатирико-юмористические журналы 1901–1917 гг. // М. Е. Салтыков-Щедрин и русская сатира XVIII–XX веков. М.: Наследие, 1998. С. 239–267.

Николаев Дмитрий Дмитриевич, доктор филологических наук, Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН (ул. Поварская, 25А, Москва, Россия, 121069). E-mail: ddnikolaev@mail.ru

Материал поступил в редакцию 04.12.2018.

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-1-38-48

RUSSIAN SATIRICAL APHORISM OF 1905-1907: POETICS AND TYPOLOGY

D. D. Nikolaev

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Introduction. The comic aphorism is usually considered in the framework of parody forms, although its genre potential is much wider. Comic aphorism as a genre form is one of the super-small genres, widely spread in satirical and comic journals and play important role in periods of mass interest in publications of this type. *Aim and objectives.* The purpose of this work is to determine the place and functions of aphorism in the Russian satire of 1905-1907, to identify poetics and typology of aphorisms in this period, which allows us to make theoretical and historical-literary conclusions concerning comic aphorism as a genre form. *Material and research methods* are based on a frontal study of the available corpus of sources, including satirical-humorous Russian magazines of 1905-1907. The article explores the comic aphorism as a genre, as separate text written with the corresponding author's intention. The historical-typological and historical-functional approach and the structural analysis provide an opportunity to identify the role of context in the poetics of satirical aphorism and the main models of construction of aphorism and cycles of aphorisms. *Results and discussion.* Comic aphorism is included into the system of comic genres both functionally and conceptually. The opinion expressed in the form of aphorism is dictated as authoritative and rational. Aphorism allows to achieve the highest possible level of generalization and satirical typing by minimal means: at the potentation of the genre form and its conventional perception. Context plays an important role: the author's intention requires an appropriate reader's reception. In most cases, the genre form of aphorisms in magazines of 1905-1907 was clearly marked: the genre setting was expressed in the definition given by the author or the editor, which set the appropriate reader's perception. Another form of fixation is the declared connection with the corresponding literary tradition (K. Prutkov). *Conclusion.* The main intention in aphorisms of 1905-1907 is not parody (like Prutkov) but satirical. Among the subjects of satirical aphorisms are almost all spheres of the state and social order. Aphorisms also concern persons and situations that had a great resonance. The subject of the statement can become the object of satirical image: most often, such comic aphorism is created as a direct speech. *Theoretical contribution.* The research proves that comic aphorism as a genre must not be considered as only a parody form. It is one of the ultra-small genres that are widely used in satirical and humorous magazines in Russia and play a particularly important role in the periods of mass interest in publications of this type. The wide spread of comic satirical aphorism in 1905-1907 is determined both by the formal structure of satirical magazines, which widely used ultra-small genres, and by the genre possibilities of satirical aphorism, which acquires a bright, sharp and universal character. The content of the statement combines accusatory pathos, comic intention, a high degree of generalization and the associated axiomatic categoricity. Self-incriminating statements are put into the mouths of real public figures who become the target of satire. *Practical significance.* The results of the work would be used in the studying of Russian literature of the 20th century, Russian satire and in lecture courses on the theory and history of satire and aphorism as genre.

Key words: *aphorism, satire, sarcasm, satirical magazines, the First Russian revolution, comic, Kozma Prutkov, P. Potemkin*

References

1. *Aforizm [Aphorism]. Kratkaya literaturnaya entsyclopediya: v 9 tomakh.* Tom. 1. [Brief literary encyclopedia: 9 volumes. Vol. 1]. Moscow, Sovetskaya entsyklopediya Publ., 1962. P. 366 (in Russian).
2. Fedorov A. *Aforizm [Aphorism]. Slovar' literaturovedcheskikh terminov.* Red.-sost. L. I. Timofeev, S. V. Turayev [Dictionary of literary terms. Ed. by L. I. Timofeev, S. V. Turaev]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1974. P. 23 (in Russian).
3. Kulishkina O. N. *Russkiy aforizm XIX – nachala XX vekov: evolyutsiya i sfery vliyaniya zhanra. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [Russian aphorism in XIX – beg. of the XX centuries: evolution and the sphere of influence of the genre. Abstract of thesis of doct. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2004. 41 p. (in Russian).
4. Ol'shanskiy I. G., Mel'nikova O. V. *Aforistika kak ob"yekt filologicheskikh issledovaniy* [Aphoristics as an object of philological research]. *Vestnik Moskovskogo gos. lingvistich. un-ta – Vestnik of the Moscow state linguistic university*, 2009, no. 559, pp. 63–80 (in Russian).
5. Kulishkina O. N. *Russkiy aforizm XIX – nachala XX vv.: istoriya zhanra (ot Pushkina do Rozanova)* [Russian aphorism in XIX – beg. XX centuries: history of the genre (from Pushkin to Rozanov)]. Saint Petersburg, St. Petersburg State University of Technology and Design Publ., 2009. 223 p. (in Russian).

6. Janosch. *Das Wörterbuch der Lebenskunst*. München: Goldmann, 2000. 94 s.
7. Nefedova L. A. Slovar' shutlivykh aforizmov Yanosha [Dictionary of humorous aphorisms by Janos (to the question of lexicography of aphorisms)]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2005, no. 3 (44), pp. 133–138 (in Russian).
8. Nikolaev D. D. O edinstve russkoy komicheskoy literatury XX veka [On the unity of the Russian comic literature of the XX century]. *Komicheskoye v russkoy literature XX veka* [Comic in Russian literature of the twentieth century]. Moscow, Institute of World Literature named after A. M. Gorky RAS Publ., 2014. Pp. 5–19 (in Russian).
9. Bocianowski V., Hollerbach E. *Russkaya satira pervoy revolyutsii 1905–1906* [Russian satire of the first revolution 1905–1906]. Leningrad, GIZ Publ., 1925. 221 p. (in Russian).
10. *1905 god v satire i yumore*. Sost. S. Dreyden [1905 year in satire and humor. Comp. S. Dryden]. Leningrad, 1925. 154 p. (in Russian).
11. Ninov A. A. *Russkaya satiricheskaya poeziya 1905–1907 godov* [The Russian satirical poetry of 1905–1907]. *Stikhotvornaya satira pervoy russkoy revolyutsii (1905–1907)*. Vstup. stat'ya A. A. Ninova, sost., podg. tekstov i prim N. B. Bank, N. G. Zakharenko, E. M. Shneydermana [The Poetic satire of the first Russian revolution (1905–1907). Intr. by A. A. Ninov. Notes by N. B. Bank, N. G. Zakharenko, E. M. Schneiderman]. Leningrad, Sovietskii pisatel' Publ., 1969. Pp. 5–76 (in Russian).
12. *Revolyutsiya 1905–1907 godov i literatura* [The revolution of 1905–1907 and literature]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 272 p. (in Russian).
13. *Komicheskoye v russkoy literature XX veka* [Comic in Russian literature of the twentieth century]. Moscow, Institute of World Literature named after A. M. Gorky RAS Publ., 2014. 504 p. (in Russian).
14. Spiridonova (Evstigneeva) L. A. *Russkaya satiricheskaya literatura nachala XX veka* [Russian satirical literature of the early twentieth century]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 303 p. (in Russian).
15. Mednis M. I. *Zhanr yumoristicheskogo aforizma i ego evolyutsiya v russkoy periodike XX veka* [Humorous aphorism as the genre and its evolution in the Russian periodicals of the XXth century]. *Mir russkogo slova*, 2013, no. 2, pp. 53–58 (in Russian).
16. Galepa M. A. *Fel'yetony i aforizmy na stranitsakh "Donskikh oblastnykh vedomostey" v period deyatel'nosti II Gosudarstvennoy Dumy Rossii* [Feuilletons and aphorisms on the pages of "Donskiye oblastnye vedomosti" during the period of activity of the II State Russian Duma]. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh*, 2015, no. 6–3 (11), pp. 53–56 (in Russian).
17. Nikolaev D. P. *Smekh – oruzhiye satiry* [Laughter – the weapon of satire]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1962. 193 p. (in Russian).
18. Shestopalova G. *Aforizmy v proizvedeniyakh M. E. Saltykova-Shchedrina* [Aphorisms in the works of M. E. Saltykov-Shchedrin]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Series: Russian Philology – Bulletin of the Moscow Region State University Bulletin. Series: Russian Philology*, 2013, no. 1, pp. 31–35 (in Russian).
19. Nikolaev D. D. *Tvorchestvo N. A. Teffii i A. T. Averchenko: Dve tendentsii razvitiya russkoy yumoristiki. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The Works of N. A. Teffi and A. T. Averchenko: Two trends of evolution of Russian humor. Abstract of thesis of cand. philol. sci.]. Moscow, 1993. 24 p. (in Russian).
20. Nikolaev D. D. *M. E. Saltykov-Shchedrin i russkiye satiriko-yumoristicheskiye zhurnaly 1901–1917 gg.* [M. E. Saltykov-Shchedrin and Russian satirical and humorous journals of 1901–1917]. *M. E. Saltykov-Shchedrin i russkaya satira XVIII–XX vekov* [M. E. Saltykov-Shchedrin and Russian satire of the XVIII–XX centuries]. Moscow, Naslediye Publ., 1998. Pp. 239–267 (in Russian).

Nikolaev D. D., A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science (ul. Povarskaya, 25A, Moscow, Russian Federation, 121069). E-mail: ddnikolaev@mail.ru